

18+

Виталий Трандульский
Ваш ход, господин Призрак!

Виталий Трандульский

Ваш ход, господин Призрак!

«Издательские решения»

Трандульский В.

Ваш ход, господин Призрак! / В. Трандульский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628535-4

Ох уж это средневековье, где прекрасное и ужасное сплетается в единый клубок! Любовь и ненависть, дворцовые интриги, войны и праздники, даже картины порой могут быть написаны кровью. А когда ход за призраком — главное, понять, наконец, кто же он!

ISBN 978-5-00-628535-4

© Трандульский В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Покойник и высокое собрание	6
1 Октября	7
Глава вторая	15
Время пошло	15
1 Октября. Минуту спустя	16
Глава третья	20
Глава четвёртая	23
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ваш ход, господин Призрак!

Виталий Трандульский

© Виталий Трандульский, 2024

ISBN 978-5-0062-8535-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Покойник и высокое собрание

1 Октября

– Господи, неужели это снова случилось? – Перешёптывались придворные дамы, все побелевшие от страха и изумления при виде мёртвого тела.

– Ему надо было бежать ещё вчера. – Ворчливо сетовали трубадуры привратникам Глондера, так чтобы их не слышали стражники и вельможи.

– Куда бежать? – Рыкнул один из пажей, стоявший рядом. – Вильгельм же был не такой, как вы. – Горбушку хлеба в карман, лютю под мышку, на осла прыг, только тебя и видели. Вильгельм находился на государственной службе, состоял при королевской гвардии, он не мог так просто покинуть замок и скрыться.

– Мы предлагали ему помощь. – Ещё более тихо сказал один музыкант. – Он мог выбраться под видом одного из наших. Его бы переодели, заgrimировали, дали скрипку или литавры, чем не артист!?

– И что, он отказался?

– Отказался. До последнего не верил, что призрак придёт за ним. Ждал что всё образуется.

– Вот и дождался!

– Смотрите, несут! – Донеслось из толпы, когда в коридоре где собрались сочувствующие, появился начальник королевской стражи Лагард и приказал всем расступиться.

Дамы прижались к стене и зажмурились, не решаясь посмотреть. Мужчины наоборот старались не пропустить ни мгновения, внимательно подмечая каждую деталь происходящего.

Вильгельма волокли за ноги два стражника, расталкивая всех, кто пытался подойти ближе и взглянуть в последний раз на своего друга. Безжизненное тело покорно скользило по мраморному, начищенному до блеска полу, оставляя за собой жирный кровавый след, который уже начали подтирать камеристки.

Его широко раскрытые глаза были наполнены ужасом предсмертной агонии, лицо искажено в гримасе страданий, а в груди торчал изящный кинжал, не очень практичный в открытом поединке, но превосходно сбалансированный для метания. На рукоятке красовался, выточенный из кости череп.

– Призрак, опять призрак. – Зашелестело в толпе собравшихся.

– Хозяйничает словно у себя дома. Ни стража ему не помеха, ни честь. – Охали трубадуры – Придёт пора, и до нас доберётся.

– Вы то ему зачем? – Сурово высказался крепкий парень и наклонился над покойником, когда его тащили мимо, чтобы закрыть ему глаза.

– Бубум. – Крепкий удар начальника стражи сшиб парня с ног. – Не вмешивайся в это дело, Кавдор. Здесь и без тебя достаточно сочувствующих. Мой тебе совет, меньше водись с этим отребьем, они нам не ровня. Ты оруженосец уважаемого человека и когда-нибудь станешь рыцарем, а рыцарям не престоало переживать за каждого оборванца.

– Он был моим другом. – Поднимаясь прошипел Кавдор.

– Забудь об этом как можно скорее, если не хочешь неприятностей, – Сказал уже отвернувшийся от него Лагард, быстрым шагом догоняя тех, кто тащил мёртвого.

Присутствующие расступались, провожая взглядом траурную процессию и, уже не осмеливались подходить ближе, наблюдали издали за очередной жертвой Глондерского призрака.

– Кто это? – Спросил своего друга один молодой человек, который явно выделялся из общей компании.

– Бедолага Вильгельм. – Со всей скорбью в голосе ответил собеседник, который хорошо знал убитого при жизни.

– Отличный малый, и очень талантливый. Он состоял при штабе барона Джакобурро, военного министра северной армии. Вильгельм был у него лучшим картографом и даже имел право голоса на военных советах. Блестяще составляя планы местности, отображая особенности ландшафта и даже превратности погоды, Вильгельм высоко взлетел и все были уверены, что вот-вот ему присвоят дворянский титул, но...

Юноша, которого звали Риго, тяжело вздохнул и, оглядевшись по сторонам, стал говорить совсем шёпотом.

– Но, – Повторил он ещё раз, – Судьба сыграла с Вильгельмом злую шутку.

Молодой человек, который слушал Риго с полным сочувствием и пониманием, вдруг закрыл глаза, осознав, что рассказ приближается к трагической кульминации. Лель Лангро, так звали юношу, всегда реагировал подобным образом, когда на пути его жизни встречалась несправедливость, жестокость и коварство. За восемнадцать лет, которые он успел прожить на этом свете, сын придворного подмастерья совершенно не приспособился держать удары судьбы или противостоять превратностям и невзгодам. Он был самородком в своём роде, драгоценным, но совершенно беззащитным. Гений занимал всё пространство его существования и поэтому уязвим Лель был абсолютно, как комнатный цветок, прекрасный, но совершенно незащищённый.

– Может мне не рассказывать? – В недоумении от такого сопереживания промямлил Риго.

– Нет, -ет продолжай, прошу тебя. – Встрепенулся Лель и взял друга за руку.

– Ты уверен?

– Да, да я справлюсь. Рассказывай.

Риго внимательно посмотрел в юное, почти детское лицо своего друга и, сочувственно улыбнувшись, продолжил. – Когда началась война, барон Джакобурро был одним из самых влиятельных вельмож королевства. Он одерживал победу за победой, король называл министра своим лучшим другом, а армия беспрекословно выполняла любой приказ любимого командира.

– На картах Вильгельма, которые он составлял для барона, разрабатывались тактики и стратегии будущих сражений. Одарённый картограф словно переносил полководцев в самое сердце боевых действий, вдохновляя и надоемливая барона и его соратников на хитрый и успешный план очередной атаки или обходного манёвра.

Риго вдруг увидел, что Лель плохо его понимает. – Ты далёк от всего этого, друг мой, я буду говорить попроще.

– Битва у стен Глондера должна была поставить точку в войне между Тиграном и Таргуном. Северной армии надлежало разбить врага в генеральном сражении, после чего наш король приступил бы к переговорам, но как ты, наверное, помнишь, всё произошло не так, как ожидали. Всего шесть месяцев назад у стен этого замка мы надеялись на счастливое завершение военной компании, но враг оказался коварнее и хитрей барона Джакобурро.

– Тайное соглашение Таргуна и Ашкадира привело к тому, что в день битвы против северной армии выступили сразу две грозные силы. Наши полки были полностью разбиты, а замок Глондер захвачен врагом.

– Король бежал на юг, бросив остатки армии, покрыв своё имя вечным позором. Барон Джакобурро впал в такую немилость, что король приходил в бешенство от одного только упоминания о нём. Где он теперь никто не знает.

– Его величество, наверное, пытался договориться с королевством Таргун? – Просто-душно предположил Лель.

– Не будь наивным. Идти на переговоры после поражения, значит позволить врагу диктовать условия. Король слишком честолюбив для этого. Из-за его амбиций за следующие четыре месяца пролились реки крови. Южная армия, прибывшая на помощь, несла огромные потери. Новые сражения, совершенно неподготовленные и не спланированные, выкашивали ряды наших воинов, но король ничего и слышать не хотел. Приказ был один, освободить Глондер. Освободить, и как можно скорее.

– Зачем такая опрометчивость. – Недоумевал юноша. – Разве у короля нет других замком?

– Конечно есть, и предостаточно, но, к сожалению, Глондер самый любимый. Его величеству нравится ощущать себя в центре военных событий. Глондер стоит практически на границе с Таргуном и король, можно сказать, всегда на передовой. Королева здесь никогда не бывает, и весь развратный и беспринципный двор нашего повелителя развлекает его, как может, хоть и в постоянной опасности нападения. Король не трус, это бесспорно, но его методы утверждаться стоили, и ещё будут стоять, многих жизней. Сейчас ты всё увидишь собственными глазами, но, упаси тебя бог, повторить судьбу несчастного Вильгельма.

– Так что же с ним всё-таки случилось?

– Когда южной армии удалось освободить замок Глондер, Вильгельма, чудом уцелевшего после поражения северной армии, вызвали сюда, как предполагаемого начальника нового кабинета картографов, но король даже не дал ему аудиенции. Бедолаге следовало бы догадаться, что это заговор, но наш замечательный картограф надеялся на хорошее, и вот видишь, что из этого получилось!

– Кому могла понадобиться его смерть?

– Эх, друг мой! – Тяжело вздохнул Риго. – К сожалению, многим. Все вельможи, избежавшие гнева короля после поражения северной армии, теперь тщательно скрывают, что одобряли и поддерживали военную политику барона Джакобурро. Свидетели обратного им не нужны. Те, кого ты скоро увидишь, хитростью заманили Вильгельма в Глондер вымышленным назначением и прислали за ним призрака.

– Призрака?

– Да, наёмного убийцу, который свободно орудует в замке и убирает всех свидетелей того, чего королю знать не обязательно.

– А почему его зовут призрак?

– Потому что его почти никто не видел, но все ужасно бояться. – С иронией произнёс Риго.

– В замке полным-полно стражи, гостей, прислуги, и никто не знает каким образом совершаются все эти убийства, словно злодей ходит сквозь стены и исчезает после выполнения своей миссии, совсем как призрак, понимаешь!

– А что было много убийств?

– К сожалению, да. Где власть, там всегда интрига, а в интриге, как в поединке, должен бы всего один удар, но смертельный.

Риго и Лель стояли у самой двери в королевский тронный зал, ожидая, когда их вызовут и переминались с ноги на ногу. Яркое, совсем не осеннее солнце било в окна, освещая коридоры и приёмные в бархатных, шелковых и золотых оттенках. Трубадуры настраивали инструменты, нежные, почти воздушные девушки, которые должны возглавлять шествие, оттачивали каждый жест грациозной походки, а пажи в очередной раз проверяли свой безукоризненный и безупречный вид.

Со стороны лестницы показались четверо прислужников, что тащили здоровенный прямоугольный щит, примерно в два человеческих роста, завешенный белым полотном.

– И часу не прошло! – Серdito рявкнул на них Кавдор, стоящий неподалёку, и подошёл к Риго и Лелю. – Итак, наконец-то всё готово, ждите, я дам знать, когда можно.

Оруженосец одарил Леля добродушным, участливым взглядом и, тихонько приоткрыв дверь, на цыпочках прокрался в тронный зал.

– Слышал, всё готово. – Дрожащим голосом затараторил Риго, волнуясь куда больше своего друга. – Ты всё помнишь? Заходим единым шествием, сначала девушки, потом музыканты, за ними мы. Проходим в центр зала, потом поклоны. Один, нижайший, королю, затем два поклона придворным, справа и слева, но не такие низкие как его величеству, это важно, запомнил!?

– Запомнил, запомнил. – Широко улыбнулся Лель. – Спасибо, друг мой, без тебя я бы нипочём не разобрался. Представляю, чего тебе стоило добиться стать моим личным телохранителем.

– Если сегодня всё пройдёт хорошо, то уже завтра у тебя будет целая свита охраны.

Прошла ещё одна минута, молодые люди обменялись несколькими любезностями, и вот дверь в тронный зал настежь распахнулась, и в проёме появился Кавдор. – Пора!

Три девушки в лиловых платьях с корзинками в руках, словно вспорхнули с места и лёгкой поступью побежали вперёд, разбрасывая перед собой лепестки роз. За ними пошла группа музыкантов, играя на флейтах, лютнях и маракасах. Лель и прислужники со щитом, завешенным материей, неуверенно плелись последние, замыкая шествие.

Королевский зал оказался гораздо больше, чем Лель ожидал увидеть. Девушки и музыканты, выполнив свои задачи, моментально удалились. Прислужники прошли вперёд и водрузили щит рядом с огромной аркой, располагавшейся в конце зала, а Лель совершенно один стоял в окружении, по меньшей мере, сотни людей и не понимал, кому кланяться. Шагах в двадцати от него возвышался пьедестал, на котором красовался, весь в драгоценных камнях и позолоте, королевский трон, но он был пуст и короля, которого смущённый юноша до этого видел всего один раз, найти не мог.

Дамы в роскошных платьях с веерами из павлиньих хвостов, вуже начали посмеиваться над перепугавшимся до полусмерти молодым человеком, но подскочивший в самый критический момент Риго, встал за спиной Лангро и шёпотом сказал другу на ухо. – Король рядом с окном, которое с барельефом сражающихся всадников, видишь, слева, – Кивнул он в сторону окна, – Его величество в красной мантии.

От волнения Лель моментально забыл про все наставления друга и ни сделав ни одного поклона, игнорируя придворных, вдруг громко сказал, чтобы его было всем слышно. – Здравствуйте, Ваше величество.

Король Эмбер IV, стоявший у окна и, как он сам думал, занимающийся неотложными государственными делами, был обескуражен такой бесцеремонностью, но его собеседник, министр Кальд, превосходно умел сглаживать подобные недоразумения.

– Это и есть мой сюрприз, о котором я предупреждал вас, Ваше величество. – В шутильной форме начал Кальд. – Простите ему нарушение этикета, сюрприз первый раз во дворце и в торжественной обстановке, во всём своём блеске и величии короля видит впервые.

Эмбер, у которого благодаря хитрости и тактичности министра, не оказалось ни шанса обидится на юношу, принял случившееся с юмором, даже как комплимент, и повелительно махнув рукою, дал знак что занят и к сюрпризу вернётся чуть позже.

– Позор, позор – Шептал, стоявшему за спиной Риго вдруг пришедший в себя Лель. – Так повести себя с государем! Меня, наверное, бросят в темницу.

– Не бросят.

Голос телохранителя был весьма обнадеживающим и окончательно привёл Лангро в чувства.

– Твой покровитель сейчас один из самых влиятельных людей королевства, и он сумеет замолвить за тебя словечко. Король примет твоё поведение как невинную шалость, или недо-
разумение.

– Министр Кальд настолько высокая фигура?! – Ничего не понимая метался Лель. – Ведь он, всего-навсего, советник короля в области искусства.

– При старом короле подобной должности в Тигране вообще не существовало, но Эмберу IV нравится ощущать себя человеком культурным и духовно обогащённым, поэтому такие люди, как министр Кальд, максимально приближены к августейшей особе и имеют большое влияние. Многим в этом зале, это, конечно, мягко говоря, не нравится, и тебе надо очень желать, чтобы делами искусства, как и прежде заправлял твой учитель.

– Понятно – Многозначительно произнёс юноша, постепенно осваиваясь.

Риго взял Леля под руку и отвёл в сторону, чтобы не смущать его пристальным вниманием высокого собрания, – Давай воспользуемся заминкой, которую нам дал Его величество, и я тебе расскажу о некоторых из присутствующих. Большинство этих блистательных особ наместники соседних провинций, бароны, фрейлины, фаворитки и прочие высокопоставленные лица, которые по своему положению должны бывать на подобных приёмах. Они прибыли в Глондер вчера и через пару дней разъедутся, приняв участие на нескольких турнирах, охотах или балах. Вряд ли тебе стоит запоминать кого-то из этой публики, но есть и такие, что чувствуют себя здесь, как хозяева, перед ними все заискивают, стараются угодить и боятся.

Почти не открывая рот Риго практически прошипел следующую фразу. – Посмотри осторожно направо. Видишь четверых мужчин в чёрных мантиях с расшитыми золотом гербами?

Телохранитель дождался пока Лель Лангро найдёт глазами тех, о ком пойдёт речь и продолжил. – Их следует очень серьёзно опасаться. Самые богатые и могущественные люди королевства. Первый, тот что ближе всех к проходу, герцог Фиц, заправляющий сбором налогов, податей и вообще, всеми значительными доходами и расходами Тиграна. Рядом с ним Ровир, тоже вельможа безграничных возможностей, министр внешней политики. Самый толстый, тот, который слева, барон Дангр. Сейчас он занимает положение пропавшего министра Джакобурро и все вооружённые силы Тиграна фактически подчиняются ему.

– А четвёртый? – В нетерпении перебил друга Лель. – Который стоит немного в стороне?

– ООО, как ты ошибаешься! – Чуть повысил голос Риго. – Запомни приятель, этот человек никогда не стоит в стороне, он имеет касательство ко всему происходящему в замке. Министр Генбауэр, начальник внутренних дел и самый известный интриган и комбинатор из всех, о ком я слышал. Оставшаяся троица до смерти его боится. На свой пост он вошёл по многим головам тех, о ком даже вспоминать теперь опасно, и если человек, который по разным причинам становится ему неуютным, то ты сам видел, что произошло с несчастным Вильгельмом.

– Да, видел! Но как я могу перейти дорогу, шутка сказать, министрам?

– Не ты, а твой покровитель. Министр Кальд делает свои позиции при дворе прочнее и основательнее. Король начал к нему прислушиваться, и твой покровитель осмелился навести критику на злополучную четвёрку, которую мы только что обсуждали. На советах, с подачи Кальда, уже поднимался вопрос о чрезмерных земельных податях, растратах, идущих не на нужды армии, а в карманы министров, наконец, об угрозе заговора и государственного переворота. Положение Фица, Дангра, Ровира и даже Генбауэра, становится более шатким, но будь уверен, просто так ждать, пока король их снимет, они не станут. Ты приглашён в Глондер угодить королю, с подачи своего учителя, а значит ты играешь против министров. Кальд понимает это и в обиду тебя, конечно же, не даст, но хорошо подстроенная каверза легко способна поменять приоритеты. Тогда ты станешь обыкновенной разменной пешкой в борьбе за власть и влияние. Министры ждут вашей ошибки и, если, не дай бог, это случится, спасти от расправы тебя будет практически невозможно.

И без того взволнованный Лель представил, как его безжизненное тело скользит по гладкому мраморному полу, волочимое за ноги дворцовой стражей. Руки юноши задрожали.

Не волнуйся ты так, – похлопал его по плечу Риго – Пока что ты здесь высокий гость. Сюрприз, как выразился твой учитель. Если всё пойдёт хорошо, и ты настолько талантлив, как о тебе рассказывают, то дворцовые интриги, может статься, и обойдут стороной твою особу. Во всяком случае мы с Кавдором будем на этом надеется.

– Давай я лучше отвлеку тебя от мрачных мыслей и представлю прекрасную половину сегодняшнего собрания.

– Может не стоит, они все смеялись надо мной. – Обижено подметил Лангро.

– Не все, не все. Обрати внимание на ещё одну особу в красной мантии, статную женщину, стоящую рядом с тронным постаментом. Это его высочество Аурелия. Сестра короля и, по совместительству, ангел хранитель всех артистов, музыкантов, писателей и художников. Именно она привила королю любовь к искусству. Говорят, его величество к ней очень прислушивается, и потакает буквально во всём. Если бы сударыня Аурелия имела твёрдый характер, то давно бы положила конец тирании четырёх министров, но у неё для этого слишком покладистый нрав. Вот и сейчас она согласно этикета, ждёт своего брата рядом с тронном и приветствует всех гостей независимо от их статуса и положения.

– А почему она ангел хранитель?

– Потому что ее высочество безграничной доброты и сострадания. Ты удивишься, но в этом зале она знает по именам любого трубадура или камеристку. Да что там камеристку, любого охранника или стольника. И каждому готова помогать. Король специально не посвящает её в государственные дела, а то она давно бы раздала половину казны нищим и искалеченным ветеранам. Бедняжка наивна, хотя ей уже пятьдесят два года. Король так привык отдыхать рядом с сестрой душой, что оберегает её от любых невзгод или потрясений. Вероятно, поэтому Аурелия никогда не была замужем и не имеет детей. Здесь его величество конечно перестарался, но в любом случае, его сестра фигура неприкасаемая и смерть постигнет любого, кто посмеет её обидеть, хотя таких пока не было. В угоду королю, все здесь сдувают пылинки с Аурелии, и я очень советую тебе с ней подружиться.

– А вот ещё одна фигура с которой я и сам бы не прочь иметь дружбу! – Вдруг изменился Риго, расплывшись всей физиономией в широкую улыбку.

Грациозной походкой, которая привлекла внимание не только Риго, но и многих других мужчин и даже министров, к Аурелии подошла высокая молодая девушка и подала ей маленький веер.

– Господи, я бы всё на свете отдал, только бы быть с ней рядом. – Бросался эпитетами телохраниль.

Лель тоже проглотил язык и не мог оторвать глаз от той, что предстала общему вниманию и восхищению.

Девушка действительно была хороша. Гордый чёткий стан был словно выточен из камня. Маленькая грудь совсем не портила общей картины, а скорее лишь подчёркивала изящество и грациозность. Короткие чёрные волосы слегка прикрывали тонкую шею, ямочки на щеках придавали чертам лица детскую непосредственность, но глаза или даже взгляд, довершал образ пронизательностью и таинственностью, одновременно.

Девушка была одета не как остальные дамы собрания. Её тело плотно облегал чёрный, плотный костюм, умело повторяющий каждый изгиб и мускул юной атлетической фигуры.

– Кто это?! – Забыв обо всём Лель, не отрывая глаз от таинственной незнакомки, схватил друга за руку.

– Это Кристина, воспитанница Её высочества Аурелии. Блистательная Кристина, или как принято называть её здесь, Пантера. Главная дива и любимица публики королевского двора, непревзойдённая кудесница эквилибра, как объявляют её перед выступлением.

– Кудесница чего?

– Эквилибра, балда! – Такой вид представления. Очень захватывающе и опасно. Непостижимо, красиво и уникально по своему духу. Этого невозможно описать, понимаешь, это надо видеть! Но нам с тобой неслыханно повезло. Видишь, как она одета? Значит сегодня будет представление и я в очередной раз буду пропадать от любви и не усну всю ночь, мечтая о несравненной Пантере.

Пока друзья полностью провалились в мечты, в тронном зале, меж тем, начали происходить подготовительные действия. Повелительно махнув рукою, король дал знак распорядителям и глашатаи, рассредоточившись по променуару, протрубили в маленькие рожки о начале церемонии.

Всё окружение замолкло и, замерев в почтительном поклоне, приветствовало его величество. Король шёл к трону.

Безусловно довольный произведённым эффектом он улыбался дамам, чьи взгляды он успел поймать на своей величественной особе. Дружественно кивая кавалерам, он, время от времени, даже замуривался от удовольствия при таком пафосе и торжественности.

Заняв трон, король ещё раз оглядел собрание и коротким кивком дал сигнал церемониймейстеру, который, в ту же секунду оглушительно ударив жезлом в пол, оповестил, что с поклонами пока всё.

– Дорогие друзья. – Голос Эмбера IV был слегка взволнован. – Я рад приветствовать всех вас на сегодняшнем собрании, посвящённому освобождению Глондера и изгнанию врага с наших земель. Собранию, посвящённому доблести и отваге нашей южной армии, чьи победы навсегда принесли спокойствие в Тигран. Навсегда поставили выскочек-соседей на место.

Зал взорвался аплодисментами, но также наполнился чувством притворства и лицемерия. Победы армии, на самом деле, были далеко не такие блистательные, как говорил Эмбер. Враг всё ещё стоял вдоль границы, в нескольких днях пути от замка Глондер. Сам король был неуверен в своих словах, но нетерпение сделать этот день праздником торопило его и заставляло закрывать глаза на многие обстоятельства. Король врал, врал открыто и бесцеремонно, врал всем окружающим, врал себе. За спиной были несколько месяцев позора и неудач.

– Мы многое пережили и вынесли за время невзгод и лишений. Суровые испытания заставили королевство отдавать все силы на борьбу с врагами и побеждать там, где, казалось бы, победить невозможно. Кто с мечом в руке, кто у наковальни, кто перед святой иконой, все мы добывали эту победу, все приближали этот день, как могли, и вот сегодня мы здесь не для того, чтобы обсуждать очередное сражение, а чтобы отдаться празднику и торжеству.

Король демонстративно осмотрелся вокруг.

– Не долго удалось похозяйничать шакалам Таргуна и Ашкадира в этих стенах. Поганой метлой наши лихие воины вышвырнули неприятеля из этого места, и вот после определённой реставрации и обновлений Глондер встречает своих гостей в былом великолепии.

На этот раз король был почти искренним. Громадные средства вкладывались, чтобы Глондер после поругательства и разграбления выглядел ещё лучше, чем прежде. Уже не одну неделю, днём и ночью, в замке трудились лучшие каменщики, плотники, ювелиры, закончившие все работы только сегодня утром. Сам король ставил жёсткие сроки реставраций и лично контролировал любую мелочь.

– Все вы знаете, как я люблю искусство. – Перешёл совсем на мяукающий тон Эмбер, одарив своим благосклонным кивком сначала ее высочество Аурелию, а потом министра Кальда. – А по сему, позвольте начать праздник с одного сюрприза, который приготовил для нас мой друг. – Король снова кивнул Кальду.

– В этом зале висело множество картин, олицетворявших все достоинства Тиграна. Богатство и достояние, науку и культуру. Сейчас стены этого зала пусты, картины были осквернены и уничтожены, часть истории покинула нас безвозвратно. Но это не значит, что новая история

не займёт место на стенах этого зала. Новые полотна напомнят нам о величии нашей родины, и пусть же сей славный юноша станет первой ласточкой, которая вернёт всю прелесть живописи этому великому месту.

– Король указал рукой на Леля. Тронная комната снова взорвалась аплодисментами и звуками медных труб, придавая моменту больше торжественности.

– Слава королю. – Выкрикивалось с разных сторон, когда Лангро, буквально подхватили под руки и доставили в то место где находился деревянный щит, завешенный полотном. Все расступились, в предвкушении следующих действий. Король, который сидел буквально в десяти шагах и прямо смотрел на Леля, снова взмахнул рукой и полотно со щита упало вниз, обнажив для всех собравшихся, творение, над которым юноша трудился два месяца. Картину, вернее сказать, первую картину, что должна была украсить тронный зал Глондера.

Собрание, ещё долю секунды назад готовое сотрясти стены аплодисментами, вдруг погрузилось в полное безмолвие от увиденного. В зале, где в определённых местах, приходилось кричать чтобы услышать собеседника из-за общего гама, теперь было слышно даже шелест портьеры на ветру из распахнутого окна. Гробовая тишина, на несколько мгновений, поразила Глондер.

– Чёрт. – Нарушил тишину беспокойный и буквально убитый шёпот Кальда.

Глава вторая

Время пошло

1 Октября. Минуту спустя

Тронный зал был словно околдован жутким, неподвижным молчанием. Собрание напоминало выставку восковых фигур, застывших с гримасами изумления, в недовершённых жестах и позах. Внимание всех было приковано к картине, но это внимание так контрастно растворялось в недоумении, что понять эмоции присутствующих было крайне сложно, словно присутствующие, все разом, на несколько секунд сошли с ума, и привыкали к своему новому состоянию.

Картина была прекрасна, и Лель ни на минуту не сомневался, что полотно достойно внимания любой августейшей особы. Исполнение казалось безукоризненным, но какая-то деталь парадоксально противоречила здешним порядкам. Видя реакцию в зале, юноша понимал, нарушал он что-то не то. Очень талантливо, но не то.

В памяти молодого дарования по одному просыпались воспоминания. Он видел себя маленьким ребёнком, рисующим углём и мелом на мостовой площади магистратуры. Видел уставшее лицо отца, который днём и ночью надрывался в мастерских, чтобы прокормить семью. Соседских мальчишек, Риго и Кавдора. И наконец своего старого учителя, мистера Кальда, тогда ещё не бывшего ни королевским советником, ни министром по делам искусства.

Секунда за секундой, в голове художника проносились годы его обучения живописи. Бессонные ночи исканий, кропотливый труд и, наконец, открытие таланта, когда Лангро вдруг осознал в себе способность отобразить с абсолютным сходством любую обстановку, любой образ, увиденный однажды и запомненный с мельчайшими подробностями.

Кальд, когда уже стал государственным человеком, часто говорил юноше, что с его помощью он достигнет вершин власти. Учитель вкладывал всю душу в талант ученика и вот, когда парню стукнуло восемнадцать, а политическая обстановка требовала решительных свершений, Кальд решил действовать. Но старый лис просчитался, слишком доверившись Лелю. Министр объяснил художнику, как важно поразить короля хорошей работой, как важно вернуть в Глондер искусство живописи, даже возил парня на передовую военных действий, показать короля и придворных, со сравнительно близкого расстояния, но не учёл низменных амбиций и ущемлённого самолюбия августейших особ, за что сейчас страшно корил и ругал себя.

Полотно было изумительно. По памяти мастер кисти и красок нарисовал военный совет в разгар сражения. В походном шатре, над картой, которая возможно осталась от бедняги Вильгельма, стояли военные министры и командиры полков. В центре действия был Король. Художнику удалось абсолютно всё, чтобы угодить Эмберу. Он подметил и сажную копать на лицах командиров и всю задумчивость министров, военные трофеи на стенах шатра, и, конечно же, его величество, во всём своём блеске. Строгая выправка, абсолютная сосредоточенность и почти женская аккуратность, даже в разгар боя. Таким был король, как в жизни, так и на полотне. Художник рисовал правду, но исключительно наглядно отобразил деталь, которую Эмбер не переносил и напоминание о ней считал за оскорбление. Король был маленького роста.

Весь двор тщательно маскировался от ущемлённого самолюбия короля и старался не напоминать о габаритах его величества. Высокие люди предусмотрительно не подходили к нему во время светских бесед и разговаривали только когда Эмбер был на троне и возвышался над всеми со специального пьедестала.

Охрана королю подбиралась маленького роста и, за счёт крепости телосложения напоминала людей квадратных пропорций. Дамы любезничали с Эмбером сидя на складных стульчиках, и вставали только когда король удалялся.

Все в Глондере научились вести себя в присутствии августейшей особы и вот теперь, когда коротышка король с поразительным сходством компазиционировал в центре полотна, присутствующие замерли от страха, в ожидании дальнейшего.

По лицу короля было видно, что на этот раз он оскорбился по-настоящему. Глубоко дыша, раздувая ноздри как разгорячённый жеребец после скачки, Эмбер поднялся со своего места и, не произнеся ни слова, направился в кабинет, находившийся в конце зала. Он шёл быстро и смотрел прямо перед собой, не обращая внимания на происходящее вокруг. Дамы едва успевали прогнуться в глубоком поклоне или занять свой стульчик чтобы не рассердить его величество ещё больше. Высокие мужчины расположились в дальних углах помещения и только шут карлик, искусно повторяя походку короля, шёл рядом, ничего не опасаясь. Не дожидаясь, пока прислуга отворит ему дверь, Эмбер резко дёрнул ручку и демонстративно хлопнув дверью, прошёл в кабинет.

Тронный зал зашумел как муравейник. Все разбились на маленькие кучки, по четыре пять человек и с волнением обсуждали шёпотом случившееся минуту назад. Прислуга, словно каменная, таращила глаза предвкушая неприятный вечер. Сегодня королю будут не по душе и музыка, и праздничный ужин, и всё, чем можно было бы его задобрить.

Кальд приблизился к Лелю и Риго.

Телохранитель хотел моментально удалиться, чтобы не мешать разговору, но министр остановил его.

– Останься, к сожалению, тебя теперь это тоже касается.

– Почему теперь? – В изумлении промямлил Риго.

– Потому что теперь моему ученику действительно понадобится телохранитель.

– Это я во всём виноват, учитель. – Дрожащим голосом вмешался Лель.

– Нет, мальчик. – Оборвал его министр. – Во всём виноват только я. Я притащил тебя в этот злополучный замок, я придумал эту авантюру с картиной, и я недооценил всю чистоту и открытость твоего таланта.

– Вы же говорили мне, что его величество крайне раним в отношении своего роста! – Схватился за голову Лель.

– Говорил. Говорил. – Улыбнулся Кальд. – Но всего один раз, а надо было десять.

– Учитель положил юноше руку на плечо. – Настоящий художник не приспособлен к лести и заискиванию. Он не умеет приспособливаться и изворачиваться. Настоящий художник создаёт только правдивые полотна. Я виноват в том, что втянул тебя в это болото, прогнившее алчностью и ложью. Прости меня, Лель.

Художник и телохранитель, растерянные от такого откровения министра, стояли молча, потупив взгляд и опустив головы.

Тем временем, по одному, на цыпочках, в кабинет короля вошли Аурелия, министры Фиц, Ровир и Дангр. Последним, выждав ещё минуту, в кабинет прошёл Генбауэр.

– О, от этой компании хорошего ждать не приходится. – Посетовал Риго, первым увидев, кто осмелился посетить короля в таком нервном состоянии. – Надеюсь, хотя бы Аурелия за тебя заступится.

Лель покрылся холодным потом, ещё никогда ему не было так страшно, как в эту минуту. Бедняга не догадывался, что в ближайшее время страх будет его обычным состоянием. Он смотрел на своего покровителя, не кого-нибудь, а министра Кальда, и всё равно чувствовал смертельную опасность.

Неожиданно кто-то ласково и очень нежно дотронулся до его плеча, что заставило его повернуться и мгновенно успокоиться.

– Здравствуй. – Поздоровалась с ним милая девушка лет тридцати, широко улыбаясь и смеясь, словно заигрывая со старым другом.

Риго и Кальд склонились в почтённом приветствии, но Лель снова растерявшись, по своему обыкновению, забыв про этикет, ляпнул, словно встретил приятеля на улице. – Привет.

Кальд закатил глаза, но по его лицу было понятно, что кроме неловкого момента ничего страшного не происходит.

– Привет, привет. – Продолжила девушка. – Мне очень понравилась твоя картина, удивительно, как ты сумел так похоже нарисовать всех, кто на ней находится. Такие все важные, задумчивые, самой невольно захотелось подумать о чём-то интересном и особенном. Жаль только зверюшек, чьи шкурки ты нарисовал по стенам, никак не могу понять, кому это может нравиться.

– Я всего лишь отобразил то что видел в тот день, когда мой учитель Кальд привозил меня в военный лагерь и я мог посмотреть на его величество. Мне тоже жаль зверюшек, но шатёр выглядел именно так и мне пришлось нарисовать шкуры.

– Нарисуй в следующий раз короля, как он купается. – Залилась смехом собеседница. – Представляешь! Весь такой голый и волосатый, сидит в ванне с пенкой, в короне, и надувает мыльные пузыри, вот будет потеха.

– Великолепная идея. – Сразу заразившись смехом, едва выдавил Лель.

Министр Кальд напрягся и незаметно дёрнув ученика за рукав, дал понять, что смех сейчас совсем не уместен. Девушка это тоже заметила и, с обидой посмотрев на Кальда, резко изменила настроение.

– Вот. – Протянула она юноше бордовую розу, которую до этого прятала за спиной. – Этот цветок – знак моего восхищения, художник, потому она такая бордовая. Этот цвет у роз означает страсть и признательность. Не смей отказываться, а то я обижусь. Мне очень понравилось с тобой смеяться, я приду ещё, когда твоих друзей рядом не будет, а сейчас я оставляю тебя. Король скоро выйдет, не люблю его выступления, пойду к себе в оранжерею.

Хохотунья, как успел подумать про неё Лель, резко повернулась и направилась к выходу. Весьма миловидная и открытая в общении, смотрелась она всё же очень странно. В мешковатом платье, по крайней мере на несколько размеров больше, девушка выглядела как клоун из циркового представления, когда нелепый вид, смешит, но не удивляет.

– Ещё одна воспитанница Аурелии, Асми. – Объяснил Риго, тяжело вздыхая. – Добрейший души человек, но, к сожалению, не в своём уме. Наверное, ты это уже успел заметить. Дружит здесь буквально со всеми, подстать их высочеству. Жаль, что она больна на голову, почему, собственно, и не побоялась подойти к тебе с поздравлением и подарком. Кстати эту розу Асми вырастила сама. На первом этаже есть прекрасная оранжерея, девушка всё время там в свободное время. Настоящая цветочная фея.

– А почему ко мне надо опасаться подходить с поздравлениями и подарками? – Не понял художник.

– Скоро поймёшь. – Риго указал на открывающуюся дверь кабинета из которого в сопровождении министров и сестры показался король.

Эмбер был заметно раздражён, но всё же слегка успокоившийся, по сравнению с тем моментом, когда он удалялся. Чуть ли не запрыгнув на трон, в торопливой форме, король прервал все поклоны и повелительным жестом потребовал абсолютного внимания.

– Мне кажется я допустил одну непростительную ошибку. – Начал он без предисловий. – Дела искусства не должны рассматриваться в таких узких рамках. Как говорить, одна голова хорошо, а две лучше. Министр Кальд не способен, один нести на себе такую непосильную ношу, а по сему, с этого дня остальные министры и советники, тоже должны участвовать в культурном развитии нашего государства. Начнём мы, пожалуй, вот с чего.

Голос Эмбера был твёрд, перебивать его никто не решался. – Все, кого я перечислил, должны представить мне художников, которые посоревнуются в искусстве рисования, друг

с другом, за звание главного живописца. Покровитель этого дарования и станет новым министром по вопросам искусства. Остальные его помощниками.

– Вас здесь пять министров. – Король лишь мельком взглянул на Кальда. – И пять советников. К концу месяца, а именно тридцать первого октября, я желаю видеть десять картин, претендующих занять место в тронном зале. Пусть художники приезжают сюда, в Глондер, живут здесь и пишут свои картины. Если им повезёт, они могут найти в замке натуру, в качестве меня, и всех тех, кого они ещё хотят изобразить на своих полотнах. Такова моя воля.

– Эмбер! – Тихонечко спросила его сестра. – А что делать с этой картиной? – Указала она на холст Леля.

– Эту картину надлежит убрать. Пусть юноша нарисует новую, это же честное соревнование. У всех месяц, ни больше ни меньше.

Король сделал паузу и добавил. – А чтобы благородный министр Кальд проще сориентировался в сегодняшней.... – Эмбер несколько секунд подбирал слово. – С сегодняшней затее, ему немедленно надлежит отбыть в замок Тронбаэл, где моя жена, его высочество королева, ждёт его с нетерпением, чтобы посоветоваться об оформлении минаретов на городских ратушах.

– А как же? – Едва сумел вставить Кальд.

– О вашем питомце мы позаботимся. – Вмешался в разговор Генбауэр. – Окружим его теплом и заботой. Он будет спокойно рисовать в отдельной мастерской, чтобы его никто не отвлекал. Предоставим ему всё необходимое. Это же теперь и наша задача, дорогой друг. – С сарказмом добавил министр.

Глава третья

Хитрые лисы.

2 октября. Раннее утро.

– Куда всё это расставить? – Поинтересовались прислужники, которые принесли в мастерскую: холсты, мольберты, стремянки и лесенки.

– Ставьте, как попало. – Вежливо объяснился Лель, пожимая всем руки. – Мне ещё надо будет прикинуть, как падает свет и ложатся светотени. Картина рождается в определённом месте, художник должен его почувствовать, а на это требуется время. Не смею вас задерживать, ступайте, мои друзья помогут переставить подрамники, когда я определюсь с колыбелькою для своего полотна.

Лель почтённым жестом указал на Кавдора и Риго, которые переминались в дверях.

Прислуга понимающе закивала и, повозившись ещё пол минуты с остальной атрибутикой, вежливо поклонилась и вышла.

Лель Лангро весь светился. Дождавшись, когда дверь плотно закроется, он подбежал к своим друзьям, обнял их, и словно ребёнок, заскакал по комнате.

– Ах, как хорошо, что его величество дал мне ещё один шанс, я боялся, что он прикажет выгнать меня сразу. Теперь мой учитель не разочаруется, я нарисую такую картину, что весь двор будет буквально поражён моей работой. Я обязательно выиграю, вот увидите, друзья мои, обязательно.

Художник высунулся в окно, выходившее на внутренний двор замка. – Жалко, обзор не вдохновляющий, из тронного зала можно было видеть поле и лес, а здесь только брустверы и конюшня.

– Хорошо, что комната такая простая. – Даже запыхавшись, подытожил Лель, остановившись в центре мастерской. – Я боялся, что меня определяют в один из роскошных кабинетов и весь этот золочённый, драгоценный антураж, будет отвлекать. А здесь отлично, ничего лишнего.

– Здесь я буду отдыхать. – С разбега плюхнулся он на громадную кровать, на которой могло бы поместиться сразу четверо.

– Здесь есть. – Лель кинул жест в сторону дубового стола, стоявшего рядом.

– В комнате много места, чтобы прохаживаться в поисках вдохновения, и предостаточно свечей, если вдруг заработаюсь допоздна. Ах, как любезен этот министр Генбауэр, что учёл всё это. А вы говорили, что он интриган. – Засмеялся юноша и повернувшись к Кавдору и Риго, наконец остановил взгляд на их ошеломлённых лицах.

– Ты что, ничего не понимаешь? – Буквально прошипел Риго. – Генбауэр не просто так уговорил короля отослать Кальда в Тронбаэл. Я уверен, это его работа. Генбауэр хочет избавиться от тебя, пока твой покровитель в отлучке. Призрак сделает своё дело и через месяц Эмберу IV, представят девять картин, а не десять. Лстецы и лжецы нарисуют короля, так как он хочет сам себя видеть, и никто даже не спросит, где тот наивный мальчишка, что представлял министра Кальда. Твой учитель уйдёт в небытие, никому не нужный и покинутый, а тыполнишь список злодеяний четверых министров, присоединившись на том свете к бедолаге Вильгельму и таким же дуракам, как он.

– Что ты такое говоришь? – Задрожал Лель. – Этого не может быть, я не хочу умирать. Я не интриган, а художник, я не должен участвовать во всём этом!

– Ты уже участвуешь. – Холодно и рассудительно произнёс Кавдор. – Ты стал пешкой в чужой игре, где разменные фигуры – это чьи-то жизни.

– Неужели министры настолько вероломны?

Кавдор слегка опешил от собственной откровенности, но всё же сказал то, о чём подумал. – Нельзя властвовать и быть невинным.

Кавдору вдруг вспомнилось его детство, когда они все трое были неразлучными друзьями и росли практически в одной семье, поскольку их родители были соседями. Семьи мальчишек вместе трудились, вместе принимали горе и радости, вместе воспитывали детей. Казалось, не было такого секрета или тайны, которую три сорванца не могли бы поведать друг другу. Не было такой затеи, в которой непременно не участвовали все трое. Хитрые лисы, как они сами себя называли, слыли непоседами и сорвиголовами, но каждый в округе знал, что хитрые лисы друг за друга горой.

Шли годы. Отец Кавдора погиб на войне, ещё при старом короле, и по закону его семья имела право претендовать на место в армии, куда и собирался юный Кавдор, но, благодаря знакомствам и связям с одним аристократом, которого отец Кавдора когда-то спас в сражении, юноше удалось попасть не просто на королевскую службу, а в самую что ни на есть дворцовую стражу. Оруженосцем к престарелому, но когда-то легендарному командиру, а ныне военному советнику средней ступени.

Благодаря рвению, усердию и протекции того же почтенного старца, в Глондере, через пару лет появился и Риго, который тоже встал в ряды дворцовой стражи и уже успел получить ранение несколькими месяцами ранее, во время взятия одного рубежа на окраинах замка.

Лель, самый младший из друзей, уже тогда отличался утончённым вкусом, изяществом восприятия, тонким пониманием всего окружающего. Он пробовал себя во всём, что могло бы создать красоту или затронуть сердце чем-то чувственным и нежным. Он писал стихи, лепил из глины, вырезал по дереву, пока, по прошествии ещё нескольких лет, не понял, что истинное его призвание – быть художником. По счастливой случайности, судьба свела его с Кальдом и вот, теперь уже по несчастливой случайности, а скорее по роковой, поставило в такое незавидное положение.

Теперь, когда минули годы и Лелю было восемнадцать, а Кавдору и Риго по двадцать четыре, банда хитрых лисов снова была в сборе. Все трое смотрели друг на друга и, как бы не была приятной их встреча, когда Лель прибыл в замок, сейчас два старших друга предпочли бы знать, что младший лис в безопасности и далеко от этого места. Давно изменились понятия юных воинов о жизни и о чести, но чувствуя обязанность к детской дружбе, оба они не способны были сейчас просто так удалиться и понадеяться на лучшее.

– Ладно. – Твёрдо произнёс Риго. – Сопли распускать нечего. Что будем делать?

– Когда уезжают гости? – Присоединился Кавдор.

– В обед, я слышал, как Лагард распоряжался на счёт лошадей, к полудню.

– А художники, когда придут?

– Трое уже вечером, остальные завтра.

– Какой я олух! – Вдруг, перебил всех Лель. – Мне надо проститься с министром Кальдом, он же тоже сейчас уезжает, я скоро вернусь – Бросил юноша и пустился из мастерской по дворцовым коридорам и лестницам.

– Куда ты! – Крикнул в след Риго и хотел было уже бежать вдогонку, но Кавдор остановил его.

– Пусть идёт, не думаю, что что-то может произойти пока гости не разъехались. Слишком много глаз. Призрак не рискует. Художникам дан целый месяц, времени предостаточно, убийца торопиться не станет, это не в его духе. Сегодняшнюю ночь, полагаю, мы проведём спокойно.

– А дальше? – Наблюдая в окно, как Лель бежит по внутреннему двору, буркнул Риго.

– Дальше никаких гарантий. – Кавдор опустил голову. – Риго, я уберегу его, чего бы мне это не стоило. Спасу, даже ценой своей жизни. Ты со мной, средний лис. – Обратился он так, как называл друга в детстве.

– Да, я с тобой. – Высокий стражник подошёл к Кавдору и протянул ему руку. – Клянусь, во что бы то ни стало.

– Клянусь. – Повторил Кавдор.

Глава четвёртая

Поцелуй смерти.

3 октября. Утро.

– Что Кальд, уехал? – Спросил второпях Риго, когда, почти бегом, он вместе с Кавдором миновал каменный коридор, ведущий в мастерскую художника.

– К сожалению, уехал. Жаль, я рассчитывал на него. Хотел просить, чтобы он убедил короля отпустить Леля в Тронбаэл.

– Что ты! – Стражник в гневе пнул каменную стену. – Кальд и сам уже подходил к королю с этим предложением. Я слышал, как капралы обсуждали это утром в казарме.

– И???

– Бесполезно. Король так зол на Кальда, что ничего не желает слышать об этом. На министра надеяться нечего, надо придумать что-то ещё.

– У меня есть один план, но я расскажу его позже, в мастерской, хотя и на счёт надёжности тех стен я тоже далеко не уверен. Уши везде и к Лелю их могли приставить.

Стражники пошли молча. Про то, что у стен этого замка есть уши, они слышали сотни легенд и историй, начиная с первого дня службы в Глондере. Тайные проходы, лестницы и камеры, по словам ветеранов, буквально кишели в каждом зале и комнате. Враки и байки выдумывались и сочинялись про это практически каждым придворным или стражником. Многие утверждали, как сам король, заходя в один из своих кабинетов, неожиданно мог появиться во дворе или на цитадели, а уж дворцовый призрак – убийца, знает все тайные ходы в совершенстве и может проникнуть буквально везде.

– Доброе утро. – Громко, по-военному сказал Риго, широко открывая дверь в мастерскую.

Лель уже не спал. Сидя на самой последней ступени раскладной лестницы, под потолком, он не отрываясь следил, как два солнечных зайчика танцевали на деревянных стенах.

– Что ты делаешь? – Возмутился Кавдор.

– Ищу правильное место для моей работы. Мне надо непременно найти идеальную позицию, от этого многое зависит.

Кавдор внимательно осматривал комнату и даже начал простукивать стены. – Жаль препятствовать твоим планам, но эта самая позиция тебе вряд ли понадобится.

– Почему? – Первый раз отвлёкся Лель, от солнечного зайчика.

– Тебя разве Кальд не о чём не предупредил?

– Нет. Да нам толком и проститься не дали. Всё время торопили учителя, а когда я подошёл, чуть ли не силой засадили его в экипаж. Он только и успел крикнуть из окошка, чтобы я был осторожен и то что он вернётся, как только сможет.

– Этого следовало ожидать. Министры своего шанса не упустят, жертвой больше, жертвой меньше, для них не существенно.

– Ничего не понимаю. – По-детски улыбнулся художник. – Шансы, жертвы, ты опять говоришь загадками. Можно сказать яснее?

– Скажу, скажу. – Продолжал простукивать Кавдор.

– Тук, тук, тук. – Проходил он шаг за шагом, прислушиваясь к каждому звуку.

– Просишь яснее, изволь! Надеюсь нас сейчас никто не подслушивает. – Кавдор отвлёкся от своего дела и пристально посмотрев на своего друга, потребовал абсолютного внимания.

– Бедолага Вильгельм, которого ты видел, увы, только мёртвым, не единственная жертва Глондерского призрака. До него были: болтливые любовницы, доверенная прислуга, советники нижней ступени, в общем все те, кто по иронии судьбы знал или догадывался о том, что министры: Фиц, Дангр, Ровир и, конечно же, Генбауэр, не хотели предавать огласке.

– Но причём же здесь я? – Перестал улыбаться Лель. – Я не знаю никакой государственной тайны.

– Зачем тайна. Тук, тук, тук. – Продолжал Кавдор. – С тобой всё гораздо проще. Твой учитель слишком не угоден четверым министрам, и если ты проиграешь конкурс художников, то Кальд лишится своего поста и станет для Генбауэра и остальных не опасен. Но что ты проиграешь, никто не гарантирует, более того, многие, и даже ты, убеждены, что теперь Лель ошибку не допустит, и нарисует полотно, как следует. Вывод напрашивается сам. Тук, тук, тук.

– Какой? – Уже побелев от страха, прошептал Лель.

– Господи, как ребёнок! Вывод прост, для министров лучше, если бы ты совсем не участвовал. Пропал бесследно или погиб при невыясненных обстоятельствах, это уже не будет иметь значения.

– Риго, ты слышишь, что он несёт!? – Пытаясь успокоиться скулил художник.

Рослый телохранитель сделал два широких шага и, схватив Лангро за плечи, хорошенько потрянул его. – Да очнись же ты, куда ещё понятней! Тебе угрожает смертельная опасность, ты слышал, что говорил Кавдор? Вильгельм не единственный случай. Любовницы, прислуга, младшие советники, большинство из них мы знали лично, а теперь их нет, и тебя не станет, если не перестанешь сомневаться.

Лель и Риго смотрели друг на друга и неожиданно обратили внимание, что стук прекратился. Кавдор стоял на коленях, возле самого пола в углу мастерской и отрывал какую-то доску.

– Что там! – Подскочил Риго.

– Ход, только очень маленький. Смотрите! – Кавдор отложил доску, взял со стола свечку и посветил в обнаруженный лаз.

– Видите, совсем узкий. Обыкновенному человеку в него не пролезть и всё же он имеется и тщательно замаскирован.

– Интересно куда он ведёт? – Задал вопрос Риго.

– Не знаю, я не кошка чтобы пролезть в этот коридорчик, но чувствую, что Леля разместили здесь не просто так. Комната вообще странная.

– Чем? – Переспросил средний лис.

– Находится в заброшенном крыле, в случае чего даже крика никто не услышит. Окна на внутренний двор, который совершенно не охраняется. Наконец, этот лаз странный. Не знаю, как вам, а мне не по себе от этого места, а ведь в замке полно свободных, подходящих помещений.

– Ещё один факт, наш младший лис в смертельной опасности. – Вздыхнул Риго.

– Ты говорил, у тебя есть план!?

Кавдор прошёл к двери и убедившись, что банда хитрых лисов одна, шёпотом начал рассказывать. – Я предлагаю бежать Лелю, и бежать не мешкая. Когда погиб Вильгельм, один трубадур говорил мне, что ему предлагали бежать, переодевшись в музыканта. Нам следует воспользоваться этой возможностью, думаю на трубадура можно положиться, если, вдобавок, мы ему хорошо заплатим. Искать Леля никто не станет, министров устроит, что он просто пропал.

– А как же учитель, он рассчитывает на меня!? – Дерзнул высказаться художник.

– Мёртвым ты ему ничем не поможешь, надо подумать о себе и бежать немедленно.

– Куда же я побегу?

– Поживёшь пока у моих друзей, я объясню, как к ним добраться и передам с тобой записку. О тебе позаботятся. Через месяц всё это не будет иметь значения, и мы решим, как быть дальше.

В коридоре послышались тяжёлые шаги, и в дверях появился высокий, худой мужчина с бритой головой и крайне неприятным выражением лица, которое неумело маскировалось за натянутой улыбкой.

Визитёр весьма удивился, застав художника в компании Кавдора и Риго.

– А что здесь делает дворцовая стража? – Обратился он напрямую к хозяину мастерской.
– Это мои друзья, – Неуверенно, словно в чём-то провинился, ответил Лель. – Они пришли в гости, немного поболтать, вот и всё.

– В такую рань?! – С сарказмом подметил долговязый.

– С кем имеем честь? – Кавдор выпрямился во весь рост, но обнаруженный лаз заслонить не успел.

Незванный гость был не готов объясняться и поэтому начал с запинки. – Меня, я, меня зовут Тарквиний, я представлен к конкурсанту, чтобы во всём помогать ему. Министр Генбауэр очень обеспокоен, что юный художник не в настроении после последней неудачи, вот я и позабочусь, чтобы у него всё было.

С каждым словом долговязый набирался уверенности, и вот его бегающие глазки перестали мельтешить и впились, со всем должным подозрением, в Кавдора и Ригу. – Ваша очередь, вы кто такие?

– Меня зовут Ригу, и я назначенный телохранитель для этого конкурсанта.

– Какие глупости. – Неприятно засмеялся Тарквиний. – Телохранитель художнику требовался, пока его первая картина не была представлена королю. Теперь, когда вся работа предстоит заново, и на конкурс придут ещё девять художников, телохранитель художнику Лелю больше не требуется. Смотритель, то есть я, другое дело, а телохранитель нет. Не думаете же вы, что конкурсанту может что-то угрожать в королевском замке.

Ригу хотел возразить и напомнить долговязому, про судьбу несчастного Вильгельма, но, подумав, что у смотрителя наверняка есть на этот счёт оправдание, даже не стал пытаться.

– Я. – Сделал шаг вперёд Кавдор.

– Вас, оруженосец, я знаю. – Перебил его визитёр. – Не стоит утруждаться в представлении. Хочу лишь напомнить, что людям вашего положения следует посветить себя прямым обязанностям, а не слоняться весь день без дела по замку. Полагаю, вы докучаете нашему конкурсанту, прошу вас покинуть мастерскую.

– Непременно. – Оскалился Кавдор. – Только после вас.

Тарквиний ожидал подобную фразу. – Разумеется, я тоже мешать не буду, я лишь хотел сказать конкурсанту что сегодня, после обеда, его величество будет прогуливаться, и у художника появится возможность, не мешая, разумеется, понаблюдать за королём. Позировать его величеству некогда, придётся довольствоваться тем, что есть. Я зайду за вами, мастер Лель. Так мне велено теперь к вам обращаться.

Смотритель поклонился и направился к двери, но когда он обернулся спиной, то сразу приковал к себе внимание.

– Ещё несколько мгновений вашего времени. – Окликнул его Кавдор.

– Да. – Не оборачиваясь ответил Тарквиний.

– Я служу в замке не первый день, а вас никогда не видел, хотя у вас весьма примечательная внешность.

– Возможно, вы просто невнимательный растяпа. – Обрубил смотритель. – У вас всё?

– Нет! Ещё кое-что интересуется. Зачем вам нож, под камзолом, да ещё такой необычный! Где-то я видел такой же, совсем недавно. Разрешите взглянуть?

Тарквиний так и стоял спиной к собеседнику. Дыхание его стало тяжелее, а всё тело напряглось, словно готовилось нанести удар или прыгнуть.

– Нет. – Вдруг ответил он резко. – Носить нож мне позволительно и показывать его вам я не намерен.

Король гулял в саду Глондера довольно часто, но сейчас, вынужденный быть натурой для художника, который не так давно огорчил его, Эмбер IV прибывал в весьма раздражительном

состоянии. Шут – карлик из кожи вон лез, чтобы рассмешить и приободрить его величество, но Эмбер был мрачен, и почти не обращал внимание на старания карлика.

Тарквиний и Лель шли по параллельной аллее, шагах в двадцати от короля и разговаривали шёпотом. Тарквиний, так не понравившийся Кавдору и Риго, оказался весьма приветлив с художником, но та опаска, что внушили своему другу средний и старший лис, заставляла Леля не доверять зрителю.

– Мы можем подойти ближе? – Потеряв за колючим кустарником, из вида короля, спросил Лель.

– Не в коем случае, его величество и так идёт на небывалые уступки и позволяет наблюдать за ним во время прогулки.

– Но я должен разглядеть детали для своей новой картины.

– Я постараюсь провести вас, мастер Лель, в обеденный зал, и вы сможете разглядеть короля совсем близко, из-за портьеры. Но только на следующей неделе. Начальник королевской стражи Лагард не очень хорошо ко мне относится и не позволяет слишком часто докучать ему подобными просьбами.

– Да, да, я понимаю. А камзолы его посмотреть можно?

– Когда в них нет его величества?! – Засмеялся Тарквиний от собственной шутки.

– Да. Просто камзолы.

– Пожалуй, это можно устроить, но только ночью, когда король спит, и его одежда свободна.

– Чудесно, вы мне этим очень поможете, сэр зритель.

Тем временем обе садовые тропинки закончились красивой, овальной поляной, на которой стояли столбы с канатами, верёвками и трапециями. Несколько мускулистых мужчин, проверяли страховочные сети, а один из прислуги разводил костёр в металлическом корыте. В центре всей этой мизансцены разминалась очаровательная Кристина, или как было принято называть её при дворе, мадам Пантера.

– Тренируетесь? – С почтением обратился король к девушке.

Воспитаннице её высочества Аурелии было позволительно не соблюдать этикет во время репетиций, и поэтому она, не отрываясь от растяжки на специальных гимнастических брусках, лишь улыбнулась Эмберу и изящно всплеснула рукой. – Занимаюсь в парке, пока позволяет погода. Готовлюсь к новому номеру.

– Опасному? – Первый раз за день улыбнулся Эмбер.

– У меня других не бывает.

– И что же это за номер?

– Пока секрет. Чтобы не испортить первого впечатления, я должна держать всё в тайне, скажу лишь, что это потребует от меня пика моего мастерства.

– Буду ждать с нетерпением, а пока, я понимаю, мне следует удалиться?

– Вы очень любезны и понятливы, ваше величество. – Произнесла Кристина так страстно, что не оставило бы равнодушным любого мужчину.

Король оттаивал всё больше. – Покажите мне, на прощанье, один из ваших прошлых номеров, мой любимый.

– Какой? – С грацией дикой кошки, девушка покинула тренажёр и подошла ближе.

– Кажется он назывался поцелуй смерти.

– Ах, этот! Нет ничего проще, особенно если это порадует вас, ваше величество.

Кристина взяла за руку шута – карлика и отвела его к одному из деревянных столбов на которых крепились страховочные сетки. Прислужник подал Пантере красное яблоко.

– Стой и не рыпайся, а то оставлю без уха. – Подмигнула она маленькому человечку и поставив плод прямо на голову шута, повернулась и пошла отмерять десять шагов.

Уверенность так и излучалась из кудесницы Эквилибра. Её лицо было сосредоточено, но максимально спокойно. Губы плотно сжаты, в глазах появился прищур, кожа побледнела.

Девушка резко обернулась и выбросила руку в сторону столбов. Воздух рассёк изящный клинок, который Кристина мгновенно рванула из маленького ремешка, расположенного на запястье. Все присутствующие только и успели ахнуть, когда за долю мгновения острейший нож уже появился в столбе, аккуратно над головой, разрубив яблоко на две части.

Пантера тоже ахнула, когда увидела, куда метнула нож. Вместо шута, прислонившись к столбу, стоял сам король и широко улыбался. Шут сидел рядом на своей пятой точке и таращил глаза на происходящее. Эмбер грациозно наклонился и, подняв с земли половинку яблока, откусил его.

– Спасибо, мадам Пантера, вот моё настроение и улучшилось.

– Ваше величество!!! – Девушка была в не себя. – Что это за ребячество, как можно подвергать себя такой опасности, ведь вы же глава государства.

– Я был уверен в вас с самого начала. Не сердитесь на мой поступок, но если бы я этого не сделал, то совсем бы загрустил сегодня.

Кристина поняла, что её тон уже нарушает дозволенные границы и решила свести всё на шутку. – Так, репетиция сорвана. Ещё немного и его величество попросится на пирамиду или трапе. Наверное, на следующем выступлении, он тоже будет выполнять трюки.

Вся поляна разразилась пронзительным смехом и аплодисментами в сторону Эмбера. Король подошёл ближе, поцеловал девушке руку и что-то шепнув ей на ухо, под всеобщие овации, направился в замок.

Лель и Тарквиний, наблюдавшие за происходящим из-за кустов пожелтевшего винограда, поспешили следом.

– Ох, и порох эта Пантера. – Высказывался Смотритель. – Распалит любого. Я еле сдержался чтобы не крикнуть ей, что король занял место карлика.

– Красивый номер, ничего не скажешь. И очень волнительный. – Согласился Лель.

– С мадам Пантерой всегда так. Очень волнительно!

Тарквиний ещё раз обернулся на быстро удаляющуюся арену и ещё прибавил шаг, чтобы сравняться с королём, снова шедшим по параллельной дорожке.

– Мы отвлеклись с вами, мастер Лель. В начале прогулки мы видели, как король сердится, сейчас же у нас есть возможность наблюдать его величество в весёлом расположении. Смотрите, смотрите!!!

Смотритель положил руку на плечо художника и на цыпочках подвёл его к тому месту где был лучший обзор. Карлик – шут пародировал только что увиденный номер. Подобрал с земли веточку, он изобразил метание кинжала и растянувшись в воздухе, в необычной, раскоряченной позе, с криком приземлился, плюхнувшись прямо в лужу, оставшуюся на парковой тропинке.

Король смеялся, как смеются пьяные матросы, отдаваясь целиком этому занятию. Смех его напоминал больше лошадиное ржание или гогот гусей, наевшихся перебродивших ягод. Зайдя прямо в лужу, он подал промокшему, перепачканному шуту руку и достав его из лужи, хлопнул по затылку.

Шут тоже смеялся, его задача была выполнена. Он был доволен собой, королём и всем происходящим.

– У нас могут быть неприятности, мастер Лель. – Одёрнул юношу смотритель, когда художник тоже начал смеяться.

– Его величеству может не понравится, что мы всё это видели. Давайте, лучше, пойдём другой тропинкой. Парочка быстро свернула вправо и моментально скрылась от короля и карлика.

– Какой, однако, затейник этот шут. – Захотелось поболтать Лелю.

– О, ещё какой. Ходячий смех, да и только. Король его просто обожает. Их редко можно видеть порознь, карлик даже на передовую с ним ездит.

– Как здорово он изобразил Кристину. – Захохотал художник, уже достаточно удалившись от того места, где они расстались с королём.

– Да, вылитый трюкач. – Смотритель тоже заливался смехом. – Только если Кристина это Пантера, то шут её урезанная копия, кошка, наверное. Точно – кошка.

Тарквиний присел на корточки, чтобы отдышаться. – Что с вами, мастер, я сказал что-то не то? – Обернулся он к художнику, когда заметил, что тот не смеётся, а лицо его стало задумчивым и серьёзным.

– Что случилось? – Повторил он вопрос.

– Да нет, ничего. Странное чувство. Я где-то уже слышал сегодня, чтобы человека сравнивали с кошкой. Только вот где, убей бог не вспомню.

Глава пятая

Бежать сегодня ночью.

4 Октября.

Четвёртый октябрьский день встретил художника весьма неприветливо. Бледное осеннее солнце, словно полежавшая глазуня, уныло заглядывало в окно мастерской и убивало последние надежды на возможность погулять сегодня в парке. Чуть позже пошёл мокрый снег и стало совсем тоскливо. Тарквиний принёс завтрак и помог растопить маленький каминчик, но поболтать не остался и удалился, сославшись на то, что у него много дел.

Лель начал привыкать к долговязому зрителю. Не смотря на его жутковатый вид, юноше иногда казалось, что он весьма милый человек, просто непримечательной наружности. Художник забывался, даже ждал своего зрителя, а потом вновь вспоминал предостережения друзей и сразу впадал в отчаяние.

– Я же сам видел нож на поясе у Тарквиния. – Разговаривал художник сам с собой, метаясь по комнате. – Кажется, он был такой же, как и тот, что я видел в день гибели Вильгельма.

– Глупости. Я что, разбираюсь в ножах?! Тот, который я видел на поясе, был в чехле, я видел его даже не полностью. А которым убили Вильгельма я и не разглядел толком, испугавшись покойника.

– Друзья предупредили меня, что убийцей, посланным четвёркой коварных министров, может оказаться любой, но Тарквиний, ведь он же мой зритель.

– И что? – Мысли в голове начали спорить. – Кому, как не зрителю, убить меня удобнее всего?

– Опять парадокс. Почему он не сделал этого до сих пор? Вчера в парке, когда мы остались одни, или сегодня утром. Такому великану пырнуть меня не составит труда, даже если я буду сопротивляться. Неужели он ждёт случая поудобнее, тогда ему следовало бы быть аккуратнее и пока нож с собой не носить.

– Да нет, это не он. Или он?

Лель понял, что в таких подозрениях он в конце концов, лишится рассудка и, вспомнив для чего он собственно здесь, начал таскать по мастерской мольберты и лесенки, подыскивая правильное место для своей работы.

– Стоп!!! – Снова остановил себя художник. – Какой работы, я же убегаю сегодня ночью. Ну да, убегаю с трубадурами. Так сказали мне друзья. Сегодня они принесут записку для тех, к кому я отправлюсь и объяснят все подробности. Главное, чтобы Тарквиний, или кто-то другой, не убил меня раньше.

– Привет. – Послышалось за спиной, когда Лель поглощённый мыслью о том, как он побежит в такой ужасный снег, совершенно забыл об осторожности.

– Чёрт! – От неожиданности юноша дёрнулся, потерял равновесие и отлетел к камину, сильно ударившись спиной об каменную кладку.

– Господи, что я наделал! – К Лелю подбежал молодой человек, который сел рядом и взял художника за руку.

– Прости, я не хотел пугать тебя. Проклятая привычка ходить бесшумно, на цыпочках, я многих так пугаю. Я не нарочно, клянусь.

– Всё нормально, кажется я ничего не сломал. – Потирал ушибы художник, присаживаясь на топчан. – Кто ты?

Молодой человек выпрямился в полный рост и поклонился. – Меня зовут Валер, я прибыл из Тронбаэла и представляю одного из советников королевства. Буду, как и ты, участвовать в конкурсе. Ты же Лель Лангро, я не ошибся?

– Не ошибся, да, я Лель, очень приятно познакомится, как ты сказал тебя зовут?

– Валер. Валер из Тронбаэла.

– Ого! – С удивлением подметил Лель. – Ты из резиденции его высочества королевы, наверное, её личный художник!?

– Скорее, ещё один бездельник, которого пристроили знатные родственники в местечко потеплее. Таких, как я, много в Тронбаэле, но толку от нас никакого. Слоняемся из угла в угол, иногда пытаемся что-то нарисовать, сочинить или вылепить, а зачастую только пьянствуем и распутничаем. Мы вообще изрядные лодыри.

– Кто это мы? – Поинтересовался Лель.

– Мы, это непризнанные гении, скульпторы, поэты, художники, проще говоря, бездельники, которыми окружила себя королева, на потеху.

– Понятно! – Не без колкости, подметил Лель.

Валер казался весьма энергичным парнем лет двадцати пяти. Хорошо и аккуратно одетый, он был полным антиподом Тарквиния. Если первый отталкивал своей внешностью, то Валер был, наоборот, мил и приятен. Наверное, даже чересчур. Словно бабочка, он пропорхал к обеденному столу, достал из-за пазухи флягу вина и два медных стаканчика.

Наливая креплённый напиток, он опередил вопрос — Что ты здесь делаешь? – И протянув полный кубок Лелю начал рассказывать.

– Представляешь, приезжает в Тронбаэл вчера вечером министр Кальд и говорит, что мне нужно ехать в Глондер, участвовать в каком-то конкурсе живописцев, представлять там одного из королевских советников. Представляешь, я, пьянющий вусмерть, а мне говорят в конкурсе участвовать. Я отказаться хотел, но тут королева своё слово сказала – поезжай мол, и без разговоров.

– Я Кальду пытался объяснить, что в портретах не силён, а он мне сказал, что ничего страшного. Моё участие нужно только для количества, нарисую как-нибудь, и ладно. С теми словами прямо в ночь меня и отправили. Несколько часов в дороге и вот я здесь, привёз тебе привет от твоего учителя.

– Спасибо. – Улыбнулся Лель. – А что, другие конкурсанты тоже приехали?

– Да, я видел двоих, но толком ещё не знакомился. Тебе повезло, у тебя есть собственный смотритель, а меня привезли, засунули в какую-то келью, дали краски, сказали рисуй, и всё. Хотел пройти по замку, так меня никуда не пускают. К королю просился, вообще чуть по шее не дали. Вот только к тебе добрался, хоть кто-то со мной разговаривает.

Молодые люди ловко опрокинули кубки за знакомство, и почти сразу ещё по одному, за здоровье короля и процветание Тиграна. Валер наливал уже по третьей, когда в коридоре снова послышались шаги и в мастерскую вошёл начальник дворцовой стражи Лагард.

– Мастер Лель и мастер Валер. – Посмотрел он на уже хмельных художников строго и пронзительно. – Вам следовало бы больше уделять времени своим картинам, а не пьянству. Ваши конкуренты, хоть и прибыли в Глондер позже, уже преступили к работе, а у вас. – Лагард указал пальцем на ещё свёрнутые холсты и пустые подрамники. – А у вас ещё никаких подвижек. Вам требуется быть более ответственными, я, собственно, с этим к вам и пришёл.

– С чем именно? – Пытаясь улыбаться, промямлил Валер.

– С тем, что работать вам надлежит порознь. С этого момента и до истечения срока конкурса в мастерские к художникам доступ закрыт всем посторонним. В первую очередь, это касается ваших друзей, мастер Лель. Сдаётся мне они вас только отвлекают. В конце коридора теперь будет стоять охрана. Никого посторонних. – Повторился Лагард.

– А мне то выходить можно? – Поинтересовался Лель.

– Да, но только до ужина. Стражник будет проверять вас вечером и до утра покидать мастерскую нельзя.

– Мне надо видеть моих друзей, Риго и Кавдора.

Лагард указал на дверь Валеру и, фыркнув сказал. – Они в казарме, любой стражник объяснит где это.

Лелю снова стало страшно, он был один и не знал, что делать. Накинув на плечи рогожку, он пустился по коридору и врезался в громадного стражника, который стоял прямо за углом, чтобы его было не видно из мастерской.

– Ой. – Схватился за голову Лель, получив очередную шишку.

Громила стражник посмотрел на юношу из-под чёрного шлема и отставив копьё в сторону, упёрся в боки руками. – Куда?

– Мне надо. – Замельтешил художник. – Мне тут рядом, мне сказали днём можно, я как бы тут, я.

Стражник, не отличавшийся искусным исполнением этикета, как его командир Лагард, просто закивал бронированной башкой и сделав шаг назад, освободил дорогу. – После ужина ты должен быть в мастерской, если не будешь, то я отправлюсь искать, и ты пожалеешь, когда найду. Понятно?

– Понятно, сэр стражник. – Вырвалось у перепуганного Леля, словно у ребёнка перед строгим воспитателем.

Миновав три – четыре коридора, широкую лестницу и внутренний двор, на который выходили окна его мастерской, он направился искать казармы. Сырая земля мгновенно промочила обувь художника, а не унимающийся снег рогожную накидку и берет. Юноша задрожал от холода и решил вернуться в тёплую мастерскую и, дождавшись Тарквиния, уже с ним отправиться искать Ригу и Кавдора. Развернувшись у серых ворот, которые вели в более обитаемую часть замка он почувствовал, как что-то молниеносное и едва заметное, свистнуло у его правого уха.

– Тррр. – Раздалось следом, и какая-то тень, шагах в двадцати от ворот, мелькнула через белую завесу падающего снега и скрылась в крошечной арке бесконечных лабиринтах Глондера.

– Что за чёрт! – Недоумевая, выругался художник, и только когда случайно повернулся к воротам, понял, что случилось. В нескольких пальцах от линии, где была его голова, в чёрных, воротных досках, наполовину лезвия торчал нож с черепом на рукоятке.

– Мамочки! – Вырвалось у перепуганного парня. Рванув на себя одну из створок ворот, он бросился подальше от того места. Проваливаясь по щиколотку в лужах и рытвинах, потеряв на ветру сорванный берет, он только и мог, что повторять. – Мамочки, мамочки, мамочки!

В следующем дворе навстречу стали попадаться люди, которые смотрели на бегущего, мокрого юношу, как на сумасшедшего и больного. Лель уже был не один, и ему стало не так страшно, но, не в силах остановиться, он нёсся куда глаза глядят, пару раз уже чуть не столкнувшись с прохожими и стражниками.

– Эй! – Вдруг окрикнул его знакомый голос.

Художник сделал ещё три, четыре широких шага и прижался спиной к каменному брустверу. К нему бежали Рига и Кавдор, судя по их лицам они уже понимали – что-то случилось.

Обед в казарме был необычайно прост. Король не баловал своих воинов изысканностью и разнообразием блюд. Солдатская каша и чёрствый хлеб – всё, что полагалось на обед дворцовому охраннику. Этого, правда, было в изобилии. Стражник имел право попросить добавку, ещё одну и даже две порции и, только рискуя получить нагоняй за излишний вес, этого не делал.

Лель же с перепугу наворачивал третью тарелку. Сидя перед казарменной печкой, укутавшись в колючее шерстяное одеяло, он уже несколько часов прятался здесь. Его мокрая одежда сохла, развешенная над дымоходом, а сам он, стуча зубами, в третий раз рассказывал, что с ним приключилось.

– Рядом, совсем рядом, представляешь!? – Не унимался художник.

– Представляю. – Глядя прямо в глаза другу, ответил Кавдор. – Неужели ты совсем не разглядел ту тень? Пусть не лицо, но хоть что-то. Рост, телосложение, одежду!?

– Прости, ничего не заметил. Я не придавал этому значения, а потом очень сильно испугался, к тому же шёл снег. Проклятый снег, если бы не он, я бы, возможно, и разглядел призрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.